ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ДВѢНАДЦАТЫЙ

АПРѢЛЬ, 1891

СОДЕРЖАНІЕ.

АПРѢЛЬ, 1891 г.

См. слѣд. стр.

ИСТОРИЧЕСКІЙ

ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ТОМЪ XLIV

1891

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 13

1891

ВОСПОМИНАНІЯ АРТИСТКИ ИМПЕРАТОРСКИХЪ ТЕАТРОВЪ Д. М. ЛЕОНОВОЙ [1]

X.

Санъ-Франциско.—Отель «Palas».—Предложеніе австралійскаго антрепренера.—Концертъ и постановка оперы «Трубадуръ».—Тихо-Океанская желѣзная дорога.—Наглое воровство.—Чикаго.—Нью-Іоркъ.—Неудача въ Филадельфіи.—Всемірная выставка.—Отплытіе въ Англію.—Лондонъ.—Извѣстіе объ объявленіи войны Турціи.—Лондонскій театръ.—Отъѣздъ въ Парижъ.

Ъ С.-ФРАНЦИСКО я остановилась въ отелѣ «Palas». Отель этотъ содержатъ негры на паяхъ. Сами пайщики и прислуживаютъ, одѣтые какъ настоящіе джентльмены, въ черные фраки, бѣлые галстуки и безукоризненно бѣлое бѣлье, что составляетъ оригинальный контрастъ съ ихъ черными физіономіями. Въ нижнемъ этажѣ находится зала, которая служитъ исключительно пріемной и въ которой пріѣзжающіе ожидаютъ свѣдѣній, какіе есть свободные номера. Зала прелестна, круглая, покрытая роскошными коврами, украшенная громадными зеркалами, великолѣпными картинами и богатыми портьерами. Посрединѣ стоитъ громадный круглый столъ, на которомъ разбросаны всевозможныя газеты, журналы, книги. Однимъ словомъ, обстановка напоминаетъ дворецъ. Номера раздѣляются великолѣпнымъ мраморнымъ коридоромъ; дворъ съ мрамор-

[1] Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. XLIII, стр. 632.

нымъ поломъ и покрытъ стеклянной крышой. Сообщеніе съ этажами производится при помощи подъемной машины, устроенной въ видѣ кабинетика съ бархатными диванчиками и убраннаго растеніями.

Замѣчательно, что въ С.-Франциско чѣмъ квартира выше, тѣмъ она цѣнится дороже, входить же по лѣстницамъ не приходится, благодаря подъемнымъ машинамъ. Въ отелѣ «Palas» номера великолѣпно меблированы, всюду ванны и т. п., особенно же удивило меня то, что въ каждомъ номерѣ громаднѣйшая двухспальная кровать. Впослѣдствіи я узнала происхожденіе обычая ставить подобныя кровати во всѣхъ номерахъ, а именно: при основаніи города, первые жители его были исключительно трудящіеся и имъ приходилось спать неболѣе четырехъ часовъ въ сутки, а такъ какъ жары тамъ непомѣрныя, то жители устроивали себѣ такія широкія кровати для того, чтобы, когда отъ жара спящій захочетъ перевернуться на другой бокъ, то можетъ лечь на свѣжее мѣсто. Обычай этотъ укоренился въ С.-Франциско до такой степени, что и теперь даже бѣднякъ спитъ на широкой постели. Посмотрѣвъ нѣсколько номеровъ, я выбрала себѣ прекрасное помѣщеніе, за которое платила, вмѣстѣ съ завтракомъ и обѣдомъ на двоихъ, пять долларовъ въ сутки. По желанію, можно обѣдать за общимъ столомъ, въ громадныхъ залахъ, или же въ отдѣльныхъ маленькихъ комнаткахъ, кому какъ угодно.

Когда я выбрала номеръ, мнѣ предложили, если я желаю видѣть русскія газеты, перейти въ первый этажъ. Глазамъ моимъ представилась цѣлая вереница комнатъ, поражающихъ своей роскошью, и которымъ, казалось, не было конца: дамская уборная, дамскій кабинетъ, гостиная, вся отдѣланная розовымъ деревомъ съ золотомъ (и стѣны, и мебель); затѣмъ читальня, въ которой были всевозможныя газеты, журналы всего міра; карточная комната, танцовальная зала—все это только для дамъ, для мужчинъ же существуетъ другое, вдвое бо́льшее помѣщеніе.

За обѣдомъ меня удивили роскошные туалеты здѣшнихъ дамъ; столько бриллiантовъ, столько драгоцѣнныхъ украшеній, что невольно приходило въ голову, что̀ же остается послѣ этого надѣть для концерта. Но какъ я узнала потомъ, здѣсь одѣваются самымъ роскошнымъ образомъ только къ обѣду, или къ выходу на прогулку.

Обѣдъ состоялъ изъ шести блюдъ; въ концѣ подавали чудныя густыя сливки и землянику-викторію, величиною по крайней мѣрѣ съ наши крупныя сливы; такой я никогда нигдѣ не видывала.

Самый городъ С.-Франциско поразилъ меня своимъ великолѣпіемъ. Я думала, что С.-Франциско по отношенію къ Нью-Іорку, тоже, что Харьковъ относительно Петербурга и Москвы, но, какъ потомъ я имѣла возможность сравнить, С.-Франциско уступаетъ Нью-Іорку только по величинѣ, но не по красотѣ и удобствамъ.

Въ С.-Франциско я была уже нѣсколько извѣстна, потому-что когда я была еще въ Нагасаки, консулъ разослалъ мои портреты по магазинамъ С.-Франциско и позаботился черезъ американскія газеты познакомить американскую публику со мной, такъ что, когда я пріѣхала, въ тотъ же день явился ко мнѣ антрепренеръ изъ Австраліи и, даже не прослушавъ моего пѣнія, предложилъ мнѣ отправиться въ Австралію на всемъ готовомъ съ жалованьемъ по три тысячи долларовъ въ мѣсяцъ, но съ тѣмъ, чтобы черезъ день уже выѣхать вмѣстѣ съ нимъ. Когда я представила себѣ, что принявъ его предложеніе, должна буду тотчасъ же опять плыть Тихимъ океаномъ и не 19-ть сутокъ, а 30-ть, мнѣ сдѣлалось до такой степени страшно, что сгоряча я отвѣчала ему, что не возьму за такую поѣздку и сто тысячъ.

Вскорѣ начались хлопоты по устройству концерта. Когда посланы были объявленія въ разныя газеты, является ко мнѣ какой-то господинъ и поясняетъ, какое значеніе имѣетъ его газета. Разговоръ происходилъ черезъ переводчика. Слышу, какъ господинъ этотъ читаетъ переводчику цѣлый исписанный листъ, упоминая безпрестанно и самымъ грубымъ образомъ мою фамилію. Затѣмъ послѣдовалъ длинный и крупнаго свойства разговоръ между ними. Переводчикъ подходитъ ко мнѣ и говоритъ, что необходимо выдать этому редактору 200 долларовъ, потому-что газета его существуетъ исключительно пасквилями, что у него готовы уже двѣ статьи обо мнѣ совершенно противоположнаго свойства. Въ одной, которую по объему можно назвать цѣлымъ сочиненіемъ, говорилось противъ меня и она кончалась тѣмъ, что Леонова эта не артистка, а просто бѣглая изъ Сибири. Въ другой же статьѣ авторъ разсыпался въ похвалахъ мнѣ и превозносилъ меня до небесъ. Что̀ было дѣлать? Конечно, я принуждена была выдать 200 долларовъ. Вотъ до чего дошла въ С.-Франциско спекуляція!

Послѣ двухънедѣльныхъ хлопотъ и приготовленій, концертъ состоялся и имѣлъ громадный успѣхъ. Зала совершенно была полна. Сбору получилось около трехъ тысячъ долларовъ, но очистилось не болѣе тысячи, все остальное пошло на расходъ!

Для распространенія объявленій о концертѣ, въ С.-Франциско и вообще въ Америкѣ практикуютъ пріемы, очень меня удивившіе; иду и вижу заборъ, на которомъ громадными буквами значится: Д. Леонова; на конкѣ на билетахъ: концерты Д. Леоновой тогда-то; иду по улицѣ и вижу между тротуаромъ и панелью, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ просто на панели: концертъ Д. Леоновой. Разносчики на улицахъ раздаютъ прохожимъ безплатно маленькія афишки. Мнѣ объяснили причину такихъ пріемовъ: американцы по характеру своему такъ дѣятельны, голова у нихъ такъ занята, что они не смотрятъ по сторонамъ, но когда идутъ и къ тому же спѣшатъ, то, конечно, должны смотрѣть подъ ноги,

и вотъ объявленіе на панеляхъ невольно бросается имъ въ глаза, точно также и на билетахъ конки.

Послѣ моего успѣшнаго концерта, явился ко мнѣ когда-то знаменитый басъ нашей итальянской оперы, Формесъ, съ выраженіемъ сожалѣнія, что я пріѣхала какъ разъ по окончаніи опернаго сезона въ С.-Франциско, и предложилъ мнѣ дать оперу «Трубадуръ», которую я такъ хорошо исполняла, говоря, что есть еще возможность уговорить пѣвицу и тенора отложить ихъ отъѣздъ. Такимъ образомъ соорудили «Трубадура». Я согласилась пѣть конечно болѣе для славы; спектакль этотъ не могъ принести мнѣ много выгодъ на томъ основаніи, что я должна была оплатить и хористовъ, и солистовъ. Большой и роскошно отдѣланный театръ былъ совершенно полонъ и сбору было болѣе 3-хъ тысячъ долларовъ, изъ которыхъ мнѣ очистилось только 700 долларовъ, все остальное пошло на устройство и плату участвующимъ. Всѣ газеты меня расхвалили; всѣмъ бросилось въ глаза то, что до сей поры Азучену представляли всегда молодой цыганкой и красавицей. «Madame Леонова,—говорилось въ одной изъ рецензій,—не щадя себя, дала намъ возможность увидѣть понятный типъ Азучены, созданный ею; раньше же типъ этотъ, столько разъ видѣнный нами, оставался для насъ неяснымъ».

Покончивъ съ спектаклемъ и съ концертами въ С.-Франциско, нужно было подумать какъ перебраться по Тихо-Океанской желѣзной дорогѣ въ Нью-Іоркъ. Въ одинъ прекрасный день въ газетахъ появилось слѣдующее заявленіе: «Извѣщаемъ публику, что въ настоящее время опасность для проѣзжающихъ по Тихо-Океанской дорогѣ не такъ велика, потому-что дикіе направили свой путь въ горы». Нужно замѣтить, что проѣздъ по этой дорогѣ бываетъ часто опасенъ, такъ какъ дикіе, конечно съ цѣлью грабежа, причиняютъ много крушеній поѣздовъ. Зная это, на душѣ было не совсѣмъ покойно, брало сомнѣніе, какъ пуститься въ этотъ громадный путь, но въ концѣ концовъ нужно же было ѣхать волей или неволей. Въ назначенный для отъѣзда день, утромъ, русскій священникъ Кедроливанскій прислалъ мнѣ такое количество разныхъ съѣстныхъ припасовъ, что я удивилась и не понимала для чего онъ это сдѣлалъ. Оказалось, что на Тихо-Океанской желѣзной дорогѣ иногда дня три невозможно бываетъ ничего достать на станціяхъ; конечно, я была очень благодарна предупредительности священника.

Американскіе вагоны совершенно особаго устройства; днемъ у васъ прекрасное помѣщеніе—бархатныя скамейки, столикъ передъ ними, а ночью раскидываются на этомъ же мѣстѣ широкія кровати, такъ что я съ своимъ кроликомъ помѣщалась прекрасно: онъ могъ бѣгать, ѣсть и спать отлично.

Въ одномъ мѣстѣ поѣздъ остановился и мы должны были вер-

сты три или четыре переѣхать на лошадяхъ. На этомъ мѣстѣ не было сообщенія по желѣзной дорогѣ потому, что незадолго цѣлый поѣздъ провалился здѣсь и, говорятъ, это было дѣломъ дикихъ.

Замѣчательно было мѣстечко, гдѣ три разныя желѣзныя дороги проходятъ по одной и той же горѣ въ разныхъ направленіяхъ и всѣ три поѣзда видны были въ одно и то же время. Нашъ поѣздъ въ верхней части горы, второй ниже и третій въ самомъ низу. Это необыкновенно красиво! Наконецъ, желѣзная дорога поднимается на вершину горы, гдѣ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ лежалъ даже снѣгъ. Это было въ концѣ мая. Взобравшись къ ночи на гору, мы всѣ уснули и спали такъ крѣпко и долго, что когда проснулись на другой день уже поздно, то всѣ чувствовали страшную головную боль. Оказалось, что въ топившіяся печи было нарочно подложено какое-то особенное, усыпляющее вещество. Когда всѣ крѣпко уснули неестественнымъ сномъ, воры взобрались на верхнія кровати и унесли все, что̀ было возможно. Сосѣдъ мой разсказывалъ, что онъ положилъ свое платье къ стѣнкѣ, около головы, а когда проснулся, то все это было разбросано на немъ въ самомъ небрежномъ видѣ и у него вытащили 80 долларовъ. О случаѣ этомъ никто изъ пассажировъ, конечно, не заявилъ, изъ боязни, что могутъ попросить остаться на станціи для разслѣдованія.

Наконецъ, подъѣзжаемъ къ знаменитому городу Чикаго, замѣчательному кромѣ всего тѣмъ, что въ нѣкоторыхъ улицахъ всѣ дома построены исключительно изъ бѣлаго и розоваго мрамора. Эти дома изготовляются на фабрикахъ и куски мрамора, изъ которыхъ они складываются, такъ велики, что, напримѣръ, цѣлый громадный уголъ дома состоитъ изъ одного куска. Три большія улицы построены такимъ образомъ. Средняя главная улица красоты неописанной; нигдѣ, ни въ Парижѣ, ни въ Лондонѣ, нѣтъ ни одного подобнаго дома. Такихъ огромныхъ стеколъ, какъ въ Чикаго я также нигдѣ не видѣла. Какихъ бы размѣровъ ни была рама, окно всегда въ одно стекло. Съ какой быстротой строятся въ Чикаго дома, можно судитъ изъ того, что въ нѣсколько дней противъ отеля, гдѣ я останавливалась, выросъ громадный мраморный домъ и мнѣ объяснили, что всѣ его части готовы уже были раньше на фабрикѣ и почти весь домъ перевезенъ на мѣсто готовымъ.

Наконецъ, я прибыла въ Нью-Іоркъ, поражающій главнымъ образомъ своимъ необычайнымъ движеніемъ,—вездѣ жизнь, суматоха, экипажи, омнибусы, пѣшеходы, все это куда-то спѣшитъ, несется. Конно-желѣзныхъ дорогъ въ Нью-Іоркѣ было тогда несравненно меньше, нежели въ С.-Франциско. Пріѣхала я въ самое глухое время, въ началѣ іюня. Не было ни концертовъ, ни театровъ, только въ громадномъ манежѣ Офенбахъ давалъ свои оркестровые вечера. Такъ какъ дѣлать мнѣ въ Нью-Іоркѣ было не-

чего, то я поторопилась уѣхать въ Филадельфію, гдѣ въ то время была всемірная выставка.

Въ полной увѣренности, что мнѣ удасся привести въ исполненіе желаніе мое познакомить американцевъ съ русской музыкой, я, пріѣхавъ въ Филадельфію, тотчасъ же начала хлопотать объ устройствѣ концерта. Но, къ несчастію, мое желаніе не исполнилось. Въ Нью-Іоркѣ дали мнѣ адресъ капельмейстера оперы въ Филадельфіи; я показала ему партитуры, которыя можно было бы исполнить въ концертѣ, и онъ, какъ музыкантъ, желавшій познакомиться съ русской музыкой, радъ былъ это сдѣлать, но предложилъ мнѣ остаться для концерта до октября, т. е. нѣсколько мѣсяцевъ, объясняя, съ прискорбіемъ, что въ данное время нельзя никакимъ образомъ устроить концертъ, потому-что здѣсь находится Офенбахъ, который соединилъ всѣ оркестры въ одинъ и давалъ замѣчательные концерты. Затѣмъ капельмейстеръ спросилъ меня, съ какой цѣлью я хочу дать концертъ, для славы или для денегъ. Я отвѣтила, что главнымъ образомъ для того, чтобы показать русскую музыку. Тогда онъ пригласилъ меня участвовать въ его концертахъ, которые составлялись изъ разныхъ пѣвцовъ, пѣвицъ и отдѣльныхъ инструментовъ. Прежде чѣмъ на это согласиться, я поѣхала въ одинъ изъ его концертовъ и увидѣла, что это слишкомъ мизерно: громадный театръ и въ немъ пѣвецъ или пѣвица, за 300, 400 долларовъ, поетъ подъ аккомпаниментъ фортепіано; къ тому же все это было такъ рутинно, что я сочла лучшимъ не появляться совсѣмъ, нежели пѣть въ такой обстановкѣ. Нельзя было не воспользоваться пребываніемъ въ Филадельфіи, чтобы не взглянуть на выставку. Дѣйствительно было что посмотрѣть, но чтобы хорошенько все видѣть, требовалось много времени; на каждое отдѣленіе пришлось бы посвятить по крайней мѣрѣ день, а отдѣленій были тамъ сотни. У меня остались въ памяти нѣкоторые предметы, особенно замѣчательные. Напримѣръ, очень меня удивила величина земляники,— ягоды положены были рядомъ, начиная съ обыкновенной, постепенно все бо̀льшаго и бо̀льшаго размѣра и кончая ягодой величиною по крайней мѣрѣ въ апельсинъ, такъ чтобы можно было прослѣдить изъ какой маленькой ягодки выведена эта большая. Поразителенъ былъ французскій отдѣлъ: кружева всѣхъ возможныхъ сортовъ, въ томъ числѣ разныя мантильи; я не могла удержаться и пріобрѣла себѣ громадный карэ-платокъ, замѣчательный шантильи; пріобрѣла его на томъ основаніи, что, какъ объяснили мнѣ, плести такихъ кружевъ больше не будутъ. Заплатила я за него 2.500 франковъ. Въ одномъ изъ отдѣловъ было большое скопленіе публики; меня это заинтересовало; оказалось, что здѣсь раздаютъ желающимъ, отъ выставки, за подписями директоровъ, удостовѣреніе въ томъ, что получившій его былъ на выставкѣ. Мнѣ особенно нужно было это и я съ удовольствіемъ заплатила

долларъ за такой листъ. Деньги, вырученныя за эти листы, предназначались на благотворительныя дѣла и сборъ составилъ, говорятъ, сотни тысячъ. Я скоро распрощалась съ Филадельфiею, хотя мнѣ очень хотѣлось остаться еще, но жизнь тамъ была такъ дорога, что нужно было торопиться выѣздомъ. Пріѣхавъ обратно въ Нью-Іоркъ, я поспѣшила взять билетъ на пароходъ, отплывавшій въ Англію. Мною начало овладѣвать нетерпѣніе поскорѣе добраться до родины. Какъ ни хорошо, ни интересно было вездѣ, гдѣ я побывала, но именно, во время путешествія, во всей силѣ сказалось чувство привязанности къ родной странѣ.

Атлантическій океанъ показался мнѣ пустякомъ сравнительно съ Тихимъ океаномъ. Двигаясь по морю, какъ будто по большой дорогѣ, направо и налѣво безпрерывно встрѣчаются разныя суда и пароходы, чего въ Тихомъ океанѣ не было.

Послѣ благополучнаго плаванія, наконецъ, мы добрались до Лондона. На пароходъ тотчасъ же явились таможенные чиновники и насъ, какъ громомъ, поразило извѣстіе, что Россія объявила войну Турціи. Это совершенно разстроило мои планы: я хотѣла проѣхать черезъ Константинополь, чтобы кстати посмотрѣть и этотъ городъ. Теперь же, съ объявленіемъ войны, маршрутъ мой, конечно, долженъ былъ измѣниться.

Лондонъ мнѣ не понравился: почему? не съумѣю даже этого объяснить: я пріѣхала осенью, когда въ Лондонѣ кончается сезонъ театровъ и концертовъ. На другой день моего пріѣзда, давали второй разъ «Аиду» съ Патти. Я отправилась въ спектакль, чтобы видѣть здѣшній театръ и составить понятіе о лондонской публикѣ; пѣвцовъ же я знала почти всѣхъ. Роскошно одѣтыя дамы пріѣхали въ ложи съ букетами. Смотрю, и въ первый рядъ креселъ пробираются дамы также съ букетами. Меня очень интересовало, какъ будутъ бросать эти букеты на сцену. Каждый актъ жду, что будетъ; но дамы продолжаютъ держать букеты. Кончается спектакль. Вотъ, думаю, теперь начнется бросаніе букетовъ; но увы! всѣ дамы, какъ пришли, такъ и ушли съ букетами. По окончаніи спектакля, публика вызывала артистовъ два-три раза и очень холодно, хотя исполненіе было очень хорошее, и оркестръ превосходный.

Такъ какъ сезонъ въ Лондонѣ кончился, и мнѣ нельзя было расчитывать устроить что-нибудь, то я и поспѣшила черезъ Діэпъ уѣхать въ Парижъ.

Въ этотъ пріѣздъ мой въ Парижъ я исключительно занялась своимъ туалетомъ, для того, чтобы, пріѣхавъ въ Петербургъ, показать моимъ завистникамъ, что до путешествія своего я никогда не могла имѣть подобныхъ туалетовъ.

XI.

Возвращеніе въ Петербургъ.—Рискъ погибнуть отъ неосторожности пьянаго извозчика.—Намѣреніе кончить артистическую карьеру.—Приглашеніе участвовать въ благотворительномъ концертѣ.—Репетиція въ холодной залѣ.—Простуда.—Мои нравственныя страданія.—Недоброжелательство капельмейстера Н.—Мой концертъ въ Купеческомъ собраніи.—Смерть Θедорова.—Странное совпаденіе.—Композиторъ Мусоргскій.—Открытіе курсовъ пѣнія.—Кончина Мусоргскаго.—Переселеніе мое въ Москву.

Слава Богу, я возвратилась домой, въ Россію, тѣмъ же путемъ какъ и три года тому назадъ, но съ спокойной душою, чувствуя, что мною сдѣлано то, что̀ доступно не всякому артисту, тѣмъ болѣе русскому, на что̀ не отважился бы даже иной иностранецъ, потому что каждый побоится поставить на карту свою жизнь въ дальнихъ моряхъ и странахъ, и вотъ вдругъ въ Петербургѣ, когда всѣ опасности дальняго путешествія миновали, пустой случай чуть-чуть не погубилъ меня.

Возвратившись въ Петербургъ, я должна была устроить нѣкоторыя свои дѣла. Взявъ извозчика, ѣду по Садовой и не замѣчаю, что извозчикъ пьянъ и не видитъ встрѣчную конку. Я кричу ему «конка». Онъ ничего не слышитъ, спокойно покачивается себѣ; я хватаю его за правую руку и такъ какъ возжи были у него въ рукахъ, то лошадь свернула. Еслибъ не это, то мы столкнулись бы съ конкой, потому что хотя мы и свернули, но лошадь конки коснулась уже моего плеча. Я страшно разсердилась и пришла въ сильнѣйшее негодованіе на то, что, проѣхавъ благополучно кругомъ свѣта и добравшись до родной страны, рисковала погибнуть отъ несчастнаго случая на улицѣ Петербурга.

Наконецъ, я въ своемъ гнѣздѣ,—въ Ораніенбаумѣ. Я начала устроиваться здѣсь, думая совсѣмъ покончить съ своей артистической дѣятельностью. Но не тутъ-то было—терпѣнія у меня хватило только на годъ, или на полтора.

Кончилась война. Возвратились войска. Меня просили принять участіе въ концертѣ въ пользу вдовъ и сиротъ конно-артилерійской батареи, разсчитывая, что мое имя сдѣлаетъ сборъ, такъ какъ послѣ путешествія я появлюсь въ этомъ концертѣ въ первый разъ.

Какъ только концертъ былъ назначенъ, всѣ билеты были разобраны. На репетиціи оркестромъ дирижировалъ капельмейстеръ Н. Послѣ репетиціи ко мнѣ подошли члены благотворительнаго общества, статсъ-дамы и фрейлины, съ величайшими похвалами. Дѣйствительно, на репетиціи я пѣла такъ, что сама была довольна. Но рѣдки бываютъ такіе удары въ жизни, какой я испытала вечеромъ въ тотъ же день. Не замѣчая холода въ залѣ, я жестоко

простудилась на репетиціи, тѣмъ болѣе, что Н. словно нарочно, заставлялъ меня нѣсколько разъ пѣть «Лѣснаго царя». Отъ этого холода у меня сразу сдѣлался бронхитъ. Репетиція происходила въ Дворянскомъ Собраніи. Возвращаясь съ репетиціи и чувствуя какую-то неловкость въ горлѣ, я тутъ же сказала дамѣ, которая со мной ѣхала, что съ голосомъ у меня не совсѣмъ ладно. «Представьте, говорю я, вѣдь я въ первый разъ выступаю послѣ кругосвѣтнаго путешествія. Какой важный шагъ я дѣлаю, зная въ то же время, что именно мое имя способствовало главнымъ образомъ привлеченію публики; три года писали обо мнѣ, о моихъ успѣхахъ во время путешествія, я должна бы поэтому явиться публикѣ въ полномъ блескѣ, и вотъ неожиданная простуда становится препятствіемъ, чувствую, что голосъ у меня садится и садится». Пріѣхавъ въ день концерта въ Дворянское Собраніе, я узнала, что концертъ будетъ удостоенъ посѣщеніемъ Высочайшихъ особъ; прислано было распоряженіе не начинать концертъ до ихъ пріѣзда. Подбѣгаетъ ко мнѣ распорядитель, артилерійскій полковникъ и предлагаетъ руку, чтобы вывести меня на эстраду. Послѣ увертюры я должна была съ оркестромъ пѣть «Лѣснаго царя». Я говорю: «Постойте немного, дайте попробовать голосъ». Пробую. Ни единой ноты нѣтъ! Я объясняю ему въ чемъ дѣло. «Это всегда говорятъ такъ предъ началомъ концерта»,— возражаетъ онъ. Выхожу на эстраду. Посыпались вѣнки, цвѣты! Я же чувствую, что совершенно безъ голоса, чувствую даже боль! Во всю мою артистическую жизнь я не испытывала такого критическаго состоянія какъ въ этотъ разъ! Это былъ моментъ близкій къ помѣшательству. Начинаю пѣть и чувствую, что голосъ мой совершенно безъ всякаго звука, какъ бы совершенно пропалъ! Пою и думаю, что если голосъ у меня оборвется, то я просто извинюсь передъ публикой и уѣду; но голосъ не обрывался, и я кончила балладу совершенно матовымъ звукомъ.

Можно себѣ представить, что было со мною, когда я вернулась въ уборную! Цвѣты, вѣнки все бросила я въ уголъ, говоря: «На что̀ мнѣ все это, когда я не могла показать съ какимъ голосомъ я вернулась!» Случается иногда, что послѣ первой вещи, когда пропоешь уже немного, во второй вещи звукъ улучшается, и потому я рѣшилась пѣть второй номеръ. Оказалось, пожалуй, хуже перваго! Въ отчаяніи, я поѣхала къ моимъ добрымъ знакомымъ—Пеликанамъ, которые, зная меня, выстрадали то же самое, что и я. Тотчасъ же послали они за докторомъ Кошлаковымъ, чтобы опредѣлить мою болѣзнь. Въ эту же ночь сдѣлался у меня горячешный бредъ, а на другой день пріѣхалъ Кошлаковъ и, выслушавъ меня и осмотрѣвъ горло, сказалъ: «Я не могу понять какъ вы говорите, а не то, что пѣть, у васъ все горло, всѣ дыхательные пути, все заложено» и упрекнулъ меня зачѣмъ я рѣшилась

пѣть въ такомъ состояніи. Я объяснила ему, какой это былъ концертъ и что приходилось хоть умирать, но пѣть.

Началось леченіе. На другой же день послѣ концерта, въ газетахъ поторопились сдѣлать мнѣ безпощадный приговоръ, что у меня былъ когда-то голосъ; но теперь остались одни воспоминанія о немъ.

Оправившись отъ болѣзни, я прежде всего поѣхала къ Н. Такъ какъ онъ заправлялъ концертами Музыкальнаго Общества, то я просила его разрѣшить мнѣ спѣть безвозмездно въ одномъ изъ концертовъ, показаться передъ высшимъ обществомъ и напомнить ему о себѣ. Онъ отказалъ мнѣ наотрѣзъ.

Тутъ я еще болѣе увѣрилась, что онъ съ умысломъ заставлялъ меня по нѣсколько разъ повторять на репетиціяхъ въ холодной залѣ «Лѣснаго царя».

Послѣ отказа Н. я должна была возстанавливать довѣріе публики въ небольшихъ залахъ, гдѣ опять загремѣли рукоплесканія и изливались восторги.

Я рѣшилась устроить свой собственный концертъ въ Купеческомъ Собраніи съ оркестромъ, въ которомъ дирижировалъ Римскій-Корсаковъ. На этотъ разъ, Богъ помогъ мнѣ, наконецъ, совершенно овладѣть публикою, которая восторженно принимала меня. Въ то же время произошелъ поражающій фактъ, о которомъ разскажу кстати.

Я вѣрю въ Провидѣніе, такъ какъ въ жизни моей было много событій укрѣпившихъ эту вѣру. Когда я вернулась изъ путешествія, мнѣ сообщили, что Ѳедоровъ, начальникъ репертуара, мой злѣйшій врагъ, очень боленъ; но все-таки исполняетъ свою должность. И вотъ вышло странное совпаденіе: тогда существовало правило, что афишу для напечатанія долженъ былъ подписывать начальникъ репертуара; когда принесли Ѳедорову мою афишу для подписи, то онъ, говорятъ, страшно встревожился. Что̀ чувствовалъ онъ? Сознавалъ ли всѣ свои притѣсненія относительно меня, чувствовалъ ли злобу ко мнѣ, только это такъ подѣйствовало на него, что моя афиша была послѣдняя, которую онъ подписалъ; на другой день онъ умеръ, и концертъ мой пришелся какъ разъ наканунѣ его похоронъ. Всѣ дивились этому совпаденію; нужно же было ему, моему злѣйшему врагу, умереть ни раньше, ни позже!

Теперь мнѣ остается разсказать исторію возникновенія моихъ курсовъ пѣнія. Еще ранѣе, чѣмъ была поставлена опера «Борисъ Годуновъ», я познакомилась съ композиторомъ Мусоргскимъ, который бывалъ у меня. Замѣтя въ немъ многія странности и, вмѣстѣ съ тѣмъ чрезвычайно симпатичныя черты во всѣхъ отношеніяхъ, и какъ художника и какъ человѣка, мнѣ всегда хотѣлось поближе сойтись съ нимъ.

По возвращеніи моемъ изъ путешествія, мнѣ удалось, встрѣ-

чаясь съ Мусоргскимъ у нашихъ общихъ хорошихъ знакомыхъ, у которыхъ онъ даже жилъ, мало-по-малу сблизиться съ нимъ. Онъ сталъ приручаться, и сознался, что, вѣря разнымъ слухамъ, боялся меня, а теперь убѣдился, что слухи эти были совершенно лживые. Мусоргскій былъ такой человѣкъ, какого, я думаю, другого не найдешь на свѣтѣ. Онъ такъ любилъ людей, что не могъ себѣ представить и допустить въ комъ-нибудь что-нибудь дурное. Онъ судилъ обо всѣхъ по себѣ.

Кто зналъ хорошо Мусоргскаго, тотъ не могъ не видѣть, что это былъ выходящій изъ ряда человѣкъ, не признававшій интригъ, не допускавшій, чтобы человѣкъ образованный, развитой, могъ имѣть желаніе нанести другому вредъ или сдѣлать какую-нибудь гадость. Однимъ словомъ, это была личность идеальная. Когда онъ писалъ «Хованщину», то часто бывалъ у меня; напишетъ номеръ и тотчасъ же является ко мнѣ въ Ораніенбаумъ и указываетъ какого исполненія желаетъ. Я пою—онъ восторгается. Такимъ образомъ онъ писалъ «Хованщину».

Скоро онъ убѣдился, что я вовсе не такая дурная женщина, какой рисовали меня мои враги, и когда я пожелала сдѣлать артистическую поѣздку по Россіи, онъ охотно присоединился ко мнѣ и мы путешествовали вмѣстѣ. Между прочимъ, въ Малороссіи онъ заимствовалъ много малороссійскихъ мотивовъ. Послѣднее лѣто передъ смертью онъ жилъ у меня на дачѣ, гдѣ кончалъ «Хованщину» и «Сорочинскую ярмарку». Тутъ мы сговорились открыть сообща курсы. Онъ возлагалъ большія надежды на это дѣло, разсчитывая на возможность существовать, такъ какъ средства его были очень и очень ограниченныя.

Но въ первый годъ къ намъ явилось также очень ограниченное число учениковъ. Это огорчило его; но мы оба предались самымъ ревностнымъ образомъ нашему дѣлу, надѣясь, что дружными трудами привлечемъ къ себѣ учениковъ. На курсахъ нашихъ вводились совсѣмъ новые пріемы: такъ, напримѣръ, если было два, три, четыре голоса, то Мусоргскій писалъ для нихъ дуэтъ, терцетъ, квартетъ, для того, чтобы ученики сольфеджировали. Это очень помогало въ нашемъ преподаваніи. Видя, какъ успѣшно я ставлю голоса, онъ поражался этимъ.

Все говорило, кажется, въ пользу нашего дѣла, но сезонъ еще не кончился, какъ Мусоргскаго постигла смерть. Очень вѣроятно, что на него вліяло все—и нравственное возбужденіе и матеріальныя лишенія. Онъ бѣдствовалъ ужасно. Такъ, напримѣръ, однажды онъ пришелъ ко мнѣ въ самомъ нервномъ, раздражительномъ состояніи и говоритъ, что ему некуда дѣться, остается идти на улицу, что у него нѣтъ никакихъ рессурсовъ, нѣтъ никакого выхода изъ этого положенія. Что̀ было мнѣ дѣлать? Я стала утѣшать его, говоря, что хотя у меня нѣтъ многаго, но я подѣлюсь съ нимъ

тѣмъ, что имѣю. Это нѣсколько успокоило его. Въ тотъ же день вечеромъ, мнѣ нужно было ѣхать съ нимъ вмѣстѣ къ генералу Соханскому, дочь котораго училась у насъ и должна была у себя дома пѣть въ первый разъ при большомъ обществѣ. Она пѣла очень хорошо, что вѣроятно подѣйствовало на Мусоргскаго. Я видѣла, какъ онъ нервно аккомпанировалъ ей. Дѣйствительно, всѣ нашли, что для столь короткаго времени ея ученія, она пѣла очень хорошо. Всѣ остались довольны, мать и отецъ ея очень благодарили насъ. Послѣ пѣнія начались танцы, а мнѣ предложили играть въ карты. Вдругъ подбѣгаетъ ко мнѣ сынъ Соханскаго и спрашиваетъ, случаются ли припадки съ Мусоргскимъ. Я отвѣчала, что сколько знакома съ нимъ, ни разу этого не слыхала. Оказалось, что съ нимъ сдѣлался ударъ. Докторъ, который былъ тутъ же, помогъ ему и когда нужно было уѣзжать Мусоргскій совершенно уже оправился и былъ на ногахъ. Мы поѣхали вмѣстѣ. Подъѣхавъ къ моей квартирѣ, онъ сталъ убѣдительно просить позволить ему остаться у меня, ссылаясь на какое-то нервное, боязливое состояніе. Я съ удовольствіемъ согласилась на это, зная, что еслибы съ нимъ опять что-нибудь случилось, на его одинокой квартирѣ, то онъ могъ остаться безъ всякой помощи. Я отвела ему кабинетикъ и заставила прислугу караулить его всю ночь, приказавъ, въ случаѣ еслибы ему сдѣлалось дурно, тотчасъ разбудить меня. Всю ночь онъ спалъ, сидя. Утромъ, когда я вышла въ столовую къ чаю, онъ вышелъ также очень веселый. Я спросила его о здоровьѣ. Онъ благодарилъ и отвѣчалъ, что чувствуетъ себя хорошо. Съ этими словами, онъ оборачивается въ правую сторону и вдругъ падаетъ во весь ростъ. Опасенія мои были не напрасны—еслибы онъ былъ одинъ, то непремѣнно задохся бы; но тутъ его повернули, тотчасъ же подали помощь и послали за докторомъ. До вечера были еще два такихъ же припадка. Къ вечеру я созвала всѣхъ его друзей, принимавшихъ въ немъ участіе, во главѣ ихъ Владиміра Васильевича Стасова, Тертія Ивановича Филиппова, и другихъ, которые его любили. Съ общаго совѣта рѣшено было: въ виду предполагавшагося сложнаго леченія и необходимости постояннаго ухода, предложить ему помѣститься въ больницу, объяснивъ, какъ это важно и полезно для него. Ему обѣщали устроить въ больницѣ отдѣльную прекрасную комнату. Онъ долго не соглашался, желая непремѣнно остаться у меня. Наконецъ, его убѣдили. На слѣдующій день его отвезли въ каретѣ въ больницу. Сперва онъ началъ поправляться, но потомъ ему сдѣлалось хуже и хуже и онъ скончался.

Послѣ смерти Мусоргскаго, мои курсы продолжались. Нашимъ преподаваніемъ мы достигли того, что на другой сезонъ явилось несравненно болѣе учениковъ и ученицъ; и я перемѣнила квартиру, въ которой устроила сцену. Дѣло у меня пошло удачно и

о моихъ курсахъ начали говорить. Я надѣялась вполнѣ на успѣхъ ихъ въ Петербургѣ; но многіе увѣряли меня, что въ Москвѣ еще бо́льшая потребность въ такихъ курсахъ, и я послѣ нѣкотораго колебанія переѣхала въ Москву. Дѣйствительно, въ Москвѣ я нашла болѣе женскихъ голосовъ свѣжихъ и неиспорченныхъ, тогда какъ въ Петербургѣ ко мнѣ являлись преимущественно ученицы бо́льшею частью съ испорченными голосами, выправленіе которыхъ гораздо труднѣе обработки свѣжихъ голосовъ.

Д. Леонова.

